

(Впрочем, не только как бы: есть в возможности.) Нерастраченный золотой потенциально полновесней растраченного. Иллюзия бытия. Золото и есть, и нет его. Алхимическая цель, становящаяся средством, — здесь лишь цель, только цель, сверхцель, самоцель, сожравшая человека. Полное отчуждение. Страсть накопительства не есть алхимическая страсть. *Золото* — мертвый металл, чуждый оборотничеству. Мертв и сам *скупой рыцарь*, вдохновенно воспевающий мертвый знак некогда живой алхимической реальности. Предостережение отчуждающемуся человеку. Лишь мот и гуляка *Альбер*, племянник несчастного *Скупого*, свидетельствует о физической жизни своего дяди, готовый при случае прервать эту мнимую жизнь во имя исполнения мнимых трансмутаций, потенциальной, по неосуществимой своей мощью воспаляющих мозг барона, бездействующего — по принципиальным соображениям — златовладельца. Трансмутация в *золото* завершилась. Цельный человек трансмутировался в человека «частичного». Шел XVI век³⁰.

Приближение к нынешним временам отдаляет образ прошлого — остается орнаментальная рамка картины, почитаемая самой картиною. Середина XIX века, разглядывающая средние века, именно такова. Романтизация средних веков в историографии XIX века — оправданная реакция на желчно-рационалистический век минувший.

Гоголь, «*О средних веках*». Его описание средневекового алхимика, конечно же, романтическое; настолько, Впрочем, романтическое, что вовсе не мешает включить магику-колдовскую жизнь средневековья в празднично-жутковатую чертовщину «*Вечеров...*» и «*Вия*». Декоративная романтика. Однако несколько больше, нежели только декоративная. Пытливый ум алхимика, доискивающийся истины, — предшественник нового ума, озабоченного осуществить всеильные устремления новой науки. Приведу это *гоголевское* описание. «*А занятия алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков, в которой заключалось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку все! Представьте себе какой-нибудь германский город в средние века, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди них какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но все еще неразлучного с надеждою — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреодолимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое со-*

³⁰ Именно в это время набирающая силу буржуазия уже «сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 427).